

С.Г.Божкова

Российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро Ю.А.Валленштейн

У порога многолетней службы

Статья посвящена характеристике личности и деятельности российского консула и дипломата Ю.А.Валленштейна, возглавившего в 1832 г. генеральное консульство в Рио-де-Жанейро. Анализируются события первого года службы Валленштейна в бразильской столице, его планы, интересы, контакты, темы донесений, отсылавшихся в Петербург и др. Вскрыто противоречие между блестящими способностями Валленштейна, историка и литератора, и его слабой востребованностью на консульской службе.

Ключевые слова: кругозор Ю.А.Валленштейна, темы его донесений из Рио-де-Жанейро в 1832—1833 гг.

Российское генеральное консульство в Рио-де-Жанейро было учреждено в июле 1811 г. И это было не просто основанием очередного или даже первого внешнеполитического учреждения России в Бразилии. Это было началом консульского и дипломатического присутствия нашего отечества в латиноамериканском регионе вообще, присутствия, которому ныне пошла уже третья сотня лет. В апреле 1813 г. в Рио-де-Жанейро на новую должность прибыл доктор медицины Геттингенского университета, экстраординарный член Петербургской Академии наук, известный путешественник, естествоиспытатель и этнограф Григорий Иванович Лангсдорф (1774—1852). Он увлекся Бразилией еще в декабре 1803 г. — январе 1804 г., когда посетил остров Санта-Катарина в составе участников первого русского кругосветного плавания под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна. Сказочная природа этой португальской колонии буквально потрясла натуралиста с «Надежды» и, несмотря на то, что к 1808 г. он со-

Светлана Георгиевна Божкова — кандидат исторических наук, доцент СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова-Ленина; сотрудник Научной библиотеки им. М.Горького СПбГУ (svetaastra@yandex.ru).

вершил уже кругосветное путешествие и побывал во многих регионах мира, продолжала будоражить его воображение. Лангсдорф сам просил канцлера Николая Петровича Румянцева, который содействовал вступлению ученого на русскую службу, послать его в Бразилию, тем более, что, проведя 1797—1803 гг. в Португалии, он превосходно овладел языком этой страны.

Лангсдорф не только выполнял многотрудные консульские обязанности, в частности, создавал российскую консульскую сеть в Бразилии, не один год совмещал свою службу с функциями поверенного в делах, но и по мере возможности путешествовал, коллекционировал и отправлял все собранное в Россию, а также создал в своем поместье «Мандиока» уникальный тогда в Бразилии научный центр, просуществовавший с 1816 по 1826 г. Со времени службы в Бразилии Лангсдорфа, а затем и в дальнейшем, у российского консульского и дипломатического присутствия в латиноамериканском регионе была чрезвычайно важная черта. Речь идет о разнообразной научной, культурной, художественной, литературной, просветительской, хозяйственно-экономической, консультационно-административной деятельности представителей российского министерства иностранных дел, сыгравшей непреходящую роль как в истории Латинской Америки, так и мировой цивилизации в целом. В 1822—1829 гг. Лангсдорф предпринял беспрецедентную по масштабам и новизне экспедицию в центральные районы Бразилии, продолженную в 1831—1836 гг. его спутником ботаником Людвигом Риделем. Собранные ею обширные материалы о природе, населении и хозяйстве составляют классическое собрание данных об этой стране. В 1828 г. в Амазонии Лангсдорф заболел тропической лихорадкой, потерял память и скончался во Фрейбурге в 1852 г., проведя без малого четверть века в вынужденном бездействии¹.

Выдающиеся личные качества Лангсдорфа и необычайные повороты его судьбы сделали ныне этого российского консульского чиновника буквально символом российско-бразильских отношений и основателем отечественной латиноамериканистики. Однако возможности совмещать научно-экспедиционную и консульско-дипломатическую деятельность он был во многом обязан вице-консулу Петру Петровичу Кильхену (1797—1851).

Кильхену было 16 лет, когда он прибыл в бразильскую столицу вместе с Лангсдорфом в числе четверых так называемых «учеников консульства», направленных туда для стажировки. Он происходил из семьи небогатого выборгского купца и, как и остальные, являлся воспитанником Петербургского коммерческого училища. В бразильской столице Кильхен заметно лучше своих однокашников освоил довольно широкий круг специальных торгово-экономических дисциплин, свободно овладел не только основными европейскими языками, но и достаточно редким тогда португальским, с успехом стажировался в конторе одного английского негоданта. В феврале 1818 г. Кильхена назначили на пост вице-консула в Рио-де-Жанейро и разрешили «вступить в товарищество с тамошними купцами Фризом, Бланкенгагеном и Дампиною»². Дальнейшая коммерческая карьера вице-консула была связана с его женитьбой на одной из дочерей крупного французского плантатора, владевшего землями на островах Вест-Индии, а затем перебравшегося в Бразилию, где он стал хозяином огромной по тем временам кофейной плантации в 250 тыс. деревьев. Плантацию в 100 тыс. деревьев завел и Кильхен. Все эти земли давали до 350 тыс. франков годового дохода. Кроме того вице-консул занимался крупными торговыми операциями. В одном из своих рапортов в Петербург Лангсдорф писал, что его молодой помощник в свои двадцать с небольшим лет может заменить его при решении «всех коммерческих дел консульства»³. И не только коммерческих, добавим мы. Например, в

1821—1829 гг. Кильхен всецело замещал Лангсдорфа, который сначала организовывал свою экспедицию, затем руководил ею, а, заболев, страдал от амнезии.

В конце ноября 1829 г. в Рио-де-Жанейро прибыл первый российский посланник в независимой Бразильской империи Франц Францевич Борель. В 1809—1812 гг. он был начальником Экспедиции консульских дел российского МИД, автором капитальных трудов по теории и практике консульской службы, в 1812—1816 гг. занимал пост генерального консула в г. Фуншал (Мадейра), в 1816—1819 гг. — в Лиссабоне, совмещая его там до декабря 1827 г. с обязанностями поверенного в делах России в Португалии. В 1828 г. перед отплытием в Бразилию он разработал проект русско-бразильского договора о дружбе, торговли и мореплавании, не получивший, однако, одобрения министра финансов Егора Францевича Канкрин. Борель был многоопытным знатоком торговли, финансов, экономики и политики португалоязычного мира, убежденным, более того, страстным сторонником развития прямой русско-бразильской торговли. После прибытия в Бразилию он усовершенствовал там российскую консульскую сеть, введя помимо постов вице-консулов посты консульских агентов. Следует отметить, что консульская деятельность Лангсдорфа, а профессионально он мог судить только о ней, ему не нравилась. Мыслительные горизонты этих двух деятелей существенно различались. Лангсдорф был всемирно известным и чрезвычайно разносторонним ученым, Борель — бесспорно крупным и авторитетным специалистом, но в несравненно более узкой области.

А вот Кильхена Борель очень ценил и всячески стремился к тому, чтобы он занял кресло Лангсдорфа. «Кильхен, как никто другой, обладает качествами, необходимыми для выполнения обязанностей генерального консула, — писал Борель министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде в феврале 1831 г. — Он в совершенстве знает Бразилию и ее язык, а также теоретически и практически знаком со всеми вопросами внутренней и внешней торговли»⁴. Действительно, вице-консул безвыездно провел на своем посту в Рио-де-Жанейро 18 лет и сам был богатым и преуспевающим коммерсантом. В начале 1831 г. Кильхен получил отпуск и отправился в Россию, собираясь вернуться в Бразилию. Между тем судьба распорядилась иначе. В Петербурге ему предложили консульский пост в Бостоне, и он отправился в США, а затем служил генеральным консулом в Нью-Йорке, Осло, Риме и т.д.⁵. Так или иначе, но этот перечень не обнаруживал стремления руководства российского МИД воспользоваться ранее приобретенными Кильхеном опытом, знаниями и навыками. Перевод его из Рио-де-Жанейро можно объяснить, как и в случае отклонения проекта договора, подготовленного Борелем, только незаинтересованностью петербургского правительства в развитии российско-бразильской торговли.

После отъезда Кильхена делами российского генерального консульства по рекомендации Ф.Ф.Бореля, глубоко опечаленного утратой столь ценного сотрудника⁶, занимался уроженец Ливонии Карл Фердинанд Балк. А в декабре 1831 г. от кровоизлияния в мозг скончался и сам Франц Францевич. Миссию возглавил ее первый секретарь Аполлон Петрович Мальтиц (1796—1870), вскоре затем ставший поверенным в делах России в Бразилии. И уже под его начало (старшинство в стране пребывания всегда признавалось за дипломатическим, а не консульским представителем) в ноябре 1832 г. на пост генерального консула в Рио-де-Жанейро прибыл бывший советник российской миссии в Вашингтоне по должности и коллежский советник по чину Юлий Александрович Валленштейн.

Деятельность Валленштейна до сих пор остается фактически неизученной ни в истории российской внешней политики первой половины XIX в. в целом,

ни в истории российско-бразильских отношений, хотя возможностей для такого исследования, в частности, в области контактов между Россией и Бразилией, более чем достаточно. В Архиве внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД Российской Федерации, в фонде «Канцелярия министра иностранных дел» хранятся 409, как правило, многолистных, донесений Валленштейна Нессельроде за 1832—1843 гг. Их общий объем превышает 3,5 тыс. листов⁷. Огромный личный фонд Валленштейна находится в Отделе рукописей Национальной библиотеки в Рио-де-Жанейро. Часть фонда, посвященная жизни и деятельности российского генерального консула в бразильской столице, микрофильмирована и насчитывает более 11 тыс. листов⁸. В конце 2011 г. эти микрофильмы были оцифрованы в Президентской библиотеке Управления делами Президента Российской Федерации и в настоящее время находятся там в составе «Коллекции профессора Бориса Николаевича Комиссарова», включающей около 33,5 тыс. листов документов по истории российско-бразильских отношений 1825—1896 гг. из Архива Министерства иностранных дел Бразилии (Итамарати) и Отдела рукописей Национальной библиотеки в Рио-де-Жанейро.

Литература о Валленштейне крайне малочисленна. О его деятельности в качестве секретаря, а затем советника российской миссии в Вашингтоне очень лаконично писал в 1974—1975 гг. известный историк российско-американских отношений академик Николай Николаевич Болховитинов⁹. В 1980 г. бразильский архивист, сотрудник Отдела рукописей Национальной библиотеки в Рио-де-Жанейро Валдир да Кунья опубликовал статью «Дипломат Валленштейн», в которой привел некоторые биографические сведения о нем, изложил историю приобретения его наследия Национальной библиотекой и дал суммарный обзор личного фонда генерального консула¹⁰. В 1994 г. в сборнике материалов Первой научной конференции португалистов России (Камознсовские чтения) были помещены тезисы доклада Алексея Львовича Сергеева, в то время студента Исторического факультета СПбГУ, работавшего под руководством профессора Б.Н. Комиссарова, «Бразильское наследие Ю.А. Валленштейна»¹¹. Однако это была скорее заявка о значимости упомянутой темы, чем попытка в какой-то степени ее раскрыть.

Ю.А. Валленштейн родился в 1790 г. в Прусской Силезии, по одним данным в городке Хогар¹², по другим — Глогау (ныне польский город Глогув)¹³. Он был старшим сыном Николау де Валленштейна и Изабеллы Коллер де Валленштейн. Поскольку юноша обнаружил способности к математике, ему первоначально прочили карьеру офицера или горного инженера. Однако по желанию отца он стал готовиться к службе в России на дипломатическом поприще, тем более, что с легкостью овладевал иностранными языками. Известно, что Валленштейн приехал в Петербург и оттуда два раза ездил в Париж.

В 1810 г. он был принят на службу в российскую миссию в Мадриде, где, хорошо овладев испанским, выполнял обязанности консула. После разрыва отношений между Россией и Испанией в наполеоновский период он был вынужден временно покинуть миссию, но позднее вернулся в нее. Между тем официальное определение Валленштейна в Государственную коллегию иностранных дел состоялось лишь в сентябре 1814 г., когда он был причислен переводчиком к испанской миссии сверх штата. Природные способности вскоре привели его в члены разных местных литературных обществ, а Мадридская академия истории избрала Валленштейна своим членом-корреспондентом. Изучение страны, где ему довелось служить, очень занимало Юлия Александровича. Он создал там несколько рукописей, например, «Провинции Испании и их прогресс», «Картина физической географии Испании» и др., оставшихся, правда, неопубликованными.

В 1822 г., уже в чине надворного советника, Валленштейна переместили в российскую миссию в Филадельфии сверх штата, а в апреле 1823 г. он стал сначала секретарем, а затем и советником российской миссии в Вашингтоне. Есть основания полагать, что еще находясь в США, Валленштейн заочно познакомился с А.П.Мальтицем. Он, в частности, писал Аполлону Петровичу о постоянных торговых связях североамериканцев с английскими городами, что приносило прибыль жителям Нью-Йорка, о коммерческих контактах Филадельфии с Европой и Азией, о том, что Балтимор является торговой базой Антильских островов¹⁴.

Американский период жизни будущего генерального консула тоже оказался весьма плодотворным. Он провел серию метеорологических наблюдений в Вашингтоне и опубликовал их результаты в трудах Американского философского общества (кстати, это было первое исследование российского автора в упомянутом издании)¹⁵. Вышел и сделанный Валленштейном английский перевод «Русских сказок». Он сотрудничал в американской периодической печати («Норт Америкэн Ревью», «Америкэн Куортели Ревью» и др.), переписывался с Джаредом Спарксом, Дэниэлем Уэбстером, Эдуардом Эвереттом, Генри Клеем, со своим другом И.Ф. Крузенштерном, готовил для печати пространный обзор трудов последнего. Неопубликованные работы Валленштейна сохранились в бумагах Дж.Спаркса в Хугтоновской библиотеке (Кембридж). Это «Очерки дипломатической истории американской революции» (1830) — первый труд российского происхождения на эту тему, «Замечания о причинах и принципах союза между Францией и США в 1778 г.»¹⁶, записки о борьбе испанских колоний за независимость¹⁷. В последней работе (которая была закончена ранее 1826 г.) он писал о неспособности Испании управлять своими заокеанскими владениями, об успехах восставших, о значении позиции США и Англии для судьбы освободительного движения в этом регионе. Валленштейн был избран членом Американской академии искусств и наук в Бостоне (1828 г.), а два года спустя — членом Американского философского общества в Филадельфии. Позднее, уже в Бразилии, он стал членом-корреспондентом Литературного общества в Рио-де-Жанейро, куда привлек зачинателя американского романтизма Вашингтона Ирвинга.

Вряд ли стоит сомневаться, что на место способного чиновника и удачливого коммерсанта Кильхена прибыл человек, даже отдаленно его не напоминавший. Это был высокообразованный историк, литератор, а в каком-то смысле и географ, обладавший широким, можно даже сказать глобальным видением проблем тогдашнего мира. Думается, что стремление отца Юлия Александровича видеть сына дипломатом, возможно, в чем-то призрачное представление Николау де Валленштейна о дипломате, как дирижере оркестра международных отношений, накрепко засело в сознании преемника Лангсдорфа. Дипломатия, ее прошлое, настоящее, возможные дипломатические прогнозы — все это необычайно влекло Валленштейна, и его интересовали по большому счету не столько консульская резиденция, биржа, торговые конторы, сколько контакты с сотрудниками бразильского МИД и иностранных миссий, пресса политической направленности, международная аналитика, Национальная библиотека. Впрочем, утверждать, что русско-бразильская торговля с его прибытием проиграла, было бы непростительной ошибкой. 42-летний генеральный консул был отнюдь не собирателем конъюнктурных дипломатических слухов или книжным червем, а общительным, деятельным и крайне энергичным человеком, который, разумеется, не только не стремился манкировать своими служебными обязанностями, а, напротив, быть в курсе всех новостей как в бразильском, так и международном торговом и морском законодательстве, перемен на

таможне, колебаний рыночных цен и т.п. Мальтицу не потребовалось много времени, чтобы понять, работник какого уровня поступил под его руководство. «Валленштейн — деятельный человек, который с самого своего прибытия в Бразилию исчерпал всю сферу деятельности поста генерального консула», — писал он Нессельроде уже в январе 1833 г.¹⁸.

Валленштейн прибыл в Бразилию в очень сложное для страны время. 7 апреля 1831 г. Педро I отрекся от престола в пользу своего пятилетнего сына Педро II и вскоре отплыл в Европу. В апреле — июне 1831 г. государственная власть находилась в руках временного регентства, а в июне 1831 г. было образовано уже постоянное регентство. Опекуном и воспитателем малолетнего Педро II являлся патриарх бразильской независимости Жозе Бонифасио де Андрада-и-Силва. Бразилия жила в рамках крайне консервативной конституции 1824 г. Ее политическая сцена была буквально переполнена представителями разнообразных политических сил: сторонниками экс-императора, адептами регентства, реформаторами, жаждавшими немедленно изменить конституцию, откровенными республиканцами и пр. Законодательная власть находилась в руках Генеральной ассамблеи, состоявшей из Сената и Палаты депутатов, в которой заседали богатые бразильские плантаторы-фазендейро, чья жесткая конфронтация с Педро I и его португальским окружением, собственно, и привела к событиям 7 апреля, которые тогда именовались не иначе, как «революцией». В 1831—1832 гг. в Рио-де-Жанейро было очень неспокойно, непрерывно вспыхивали волнения и мятежи: то восставал какой-либо армейский батальон, то батальон полиции. Только к концу 1832 г. обстановка в столице более или менее стабилизировалась. Между тем этого нельзя было сказать о провинциях. Во многих из них господствующие позиции занимали сторонники бывшего императора.

Валленштейн легко сходилась с людьми, был человеком контактным, коммуникабельным. Вскоре после прибытия в Рио-де-Жанейро у него появился довольно широкий круг знакомств, и уже в конце первого года службы в Бразилии он женился на местной уроженке, представительнице почтенного семейства д'Абреу. Дед его супруги Луизы Кандиды д'Абреу Валленштейн был уважаемым врачом еще при дворе португальского короля Жуана VI, ее отец служил по дипломатическому ведомству. В связи с браком генерального консула Мальтиц просил Нессельроде об улучшении его материального положения¹⁹.

Можно полагать, что ни Мальтиц, сразу оценивший, как упоминалось, потенциал личности Валленштейна, ни, разумеется, сухой и равнодушный Нессельроде не понимали, каким багажом исторической информации, а главное, каким кладом живых, непосредственных наблюдений располагал этот чиновник средней руки, только что занявший пост генерального консула. А ведь за 20 с лишним лет своей службы по российскому ведомству иностранных дел он, можно сказать, побывал на двух разных полюсах тогдашнего мира: более 10 лет — в феодально-католическом испанском болоте, подпитывавшемся соками своих американских колоний и после наполеоновской встряски вернувшимся к безвременью легитимизма, и почти десятилетие — в протестантских, буржуазно-капиталистических по духу Североамериканских Соединенных Штатах, олицетворявших собой динамизм и, как казалось, нескончаемость прогресса цивилизации. Валленштейну было, что сравнивать, сопоставлять, о чем размышлять, пребывая в совершенно новой для него конституционно-монархической бразильской действительности и наблюдая россыпь молодых, испытывавших бурные внутренние катаклизмы республик.

Не прошло и двух месяцев после прибытия Валленштейна в Рио-де-Жанейро, как состоялась его подробная беседа с Мальтицем о судьбах но-

вых государств Южной Америки. Затем 4 января 1833 г. он обратился к нему с письмом: «Я уверен, что в ближайшее время будет принято окончательное решение о дальнейшей судьбе Испанской Америки в той мере, в какой она еще зависит от кортесов метрополии. Если российский Император считает..., что пришло, наконец, время обратить особое внимание на развитие и узаконенное существование этих новых государств, то Е.И.В. может пожелать получить собранные на месте, точные сведения об их внутреннем положении, ресурсах, нуждах, особенно в отношении внешней торговли, об их уже сформировавшихся политических связях или тех, которые могут возникнуть. С этой целью можно было бы осуществить разведывательную поездку одному или нескольким служащим миссии. Однако, полагаю, что лучше эту задачу выполнит одно лицо, поскольку осветить нужно, собственно, единственную проблему, все аспекты которой тесно связаны между собой. Я намеренно и для большей точности пользуюсь словом «разведка», хотя вы знаете, что оно имеет и политический, и военный смысл. Я долго служил в Испании, и мои руководители признавали меня знающим интересы и институты этой монархии, следы которых должны обнаружиться в ее трансатлантических образованиях. Из этих последних теперь формируются различные государства, вышедшие из развалин колониальной державы. Полагаю, что буду не сочтен неспособным, оказать существенные услуги на более широком и разнообразном, хотя и менее спокойном, поприще, чем то, которое открыто передо мной ныне. В том случае, если я поеду только в качестве наблюдателя, обещаю строго придерживаться роли простого путешественника, которому любопытно все увидеть, но который не будет отвечать на расспросы или вступать в какие-либо объяснения. Если я получу более официальный статус, то, видимо, последуют и инструкции о том, какие разговоры я смогу вести...

Буэнос-Айрес и Монтевидео находятся по-соседству, и я мог бы отправиться туда через несколько недель, — продолжал Валленштейн, — причем мне бы хватило трех-четырех месяцев, чтобы при любых обстоятельствах выполнить все задачи миссии указанного характера. От Рио-де-Ла-Плата я мог бы последовательно проехать в Чили, Перу, Колумбию и Мексику. Если императорское Министерство сочтет нужным придать самое большое значение этой инспекционной поездке, она может закончиться в Гаване, откуда я возвратился бы в Европу, чтобы дать подробный отчет о всех своих изысканиях в этих различных странах. Такая обобщающая работа дополнила бы те сведения, которые мне удавалось бы посылать с мест надежными путями. Такое политическое путешествие по новому континенту можно совершить в течение менее чем двух лет»²⁰. Переходя далее к финансовым вопросам, генеральный консул полагал, что в Петербурге должны принять во внимание «трудности с транспортом, общую дороговизну в Америке и еще большую в странах, где добывается золото и серебро, а также значительные расходы при всяком кратковременном пребывании в краях, редко посещаемых европейцами»²¹. «Я посвятил свою жизнь России, не руководствуясь никаким расчетом, — заканчивал дипломат, — но знаю, что лучший расчет — это с полным доверием положиться на великодушие и справедливость Е.И.В.»²².

Письмо, адресованное ему генеральным консулом, Мальтиц переслал Нессельроде уже на следующий день. «Валленштейн определил общую сумму расходов не менее чем в 10 000 пиастров в год, — сообщал поверенный в делах, препровождая проект Валленштейна. — Ему понадобится аванс в сумме годового расхода, чтобы подготовить поездку и в течение года не зависеть от поступлений из Европы. Жалование за второй год, если это будет сочтено удобным, можно было бы послать через 9—10 месяцев после его отъезда в Лиму или в

другое место, где он должен будет находиться в соответствии с инструкциями Министерства, или где ему может быть открыт кредит на Лондон. Если его поездка не должна носить открыто официальный характер, то нет необходимости запрашивать для него паспорт, так как в большинстве новых государств такого рода путешественник не будет вызывать придиорок»²³.

Трудно, однако, скрыть удивление, а также согласиться с Мальтицем, когда ниже он выражает уверенность, что ко времени, когда придет ответ Нессельроде, «в министерстве уже будут получены таблицы и обзоры, которые по своей точности и широте взглядов не оставят желать лучшего и даже предвелят некоторые изменения, которые происходят здесь весьма медленно»²⁴. Интересно, откуда такие «таблицы и обзоры» могли бы поступить в Петербург, если единственными российскими представительствами в латиноамериканском регионе являлись генеральное консульство и дипломатическая миссия в Рио-де-Жанейро? Нельзя не признать, что Мальтиц как бы невольно извинялся перед министром... за смелую инициативу Валленштейна. Между тем поверенный в делах мог и не извиняться. Ответа на проект генерального консула не последовало. Его предложение, как тогда говорили в чиновничьей среде, было «оставлено без последствий».

Между тем Валленштейн уже в конце 1832 г. — самом начале 1833 г. понимал, что Испания стоит на пороге серьезных политических коллизий, т.е. того, что в современной историографии принято называть Третьей революцией (1833—1843 гг.), когда неизбежно должен будет встать вопрос о признании испаноязычных республик Америки. И действительно, 29 декабря 1836 г. Мадрид признал независимость Мексики, подписав с ней договор о мире и дружбе. Правда, в дальнейшем косный испанский режим многократно предъявлял территориальные, финансовые и другие претензии и Мексике (во время англо-франко-испанской интервенции 60-х годов XIX в.), и другим странам региона (в период Первой тихоокеанской войны 1865—1866 гг.), оставив эти попытки лишь после вашингтонского перемирия с Перу, Чили, Эквадором и Боливией 1871 г., и окончательно отказавшись от них после парижского мира с указанными странами 1879 г.

Круг вопросов, которые освещал Валленштейн в своих донесениях, был чрезвычайно широк, но в основном сводился к внутривнутриполитическим проблемам Бразилии и международной жизни в Америке. Если речь шла о проблемах российско-бразильской торговли, чем, собственно, и должен был главным образом заниматься генеральный консул, то трактовались изменения в каких-либо нормативных актах, регулирующих эту деятельность, или речь шла о торговой конъюнктуре в разных провинциальных центрах страны. А происходило это из-за того, что сама торговля между Россией и Бразилией еле теплилась, поскольку на ее пути стояли огромные трудности. Купцов Рио-де-Жанейро и других приатлантических бразильских городов останавливали малочисленность бразильского торгового флота, значительные расходы на снаряжение судов и их страхование, высокие цены на товары бразильского импорта, нехватка наличных капиталов и т.п. Русских купцов сдерживала традиционная ориентация на английских посредников, недостаточный уровень развития отечественной промышленности, слабость торгового судоходства. Рекрутский набор обеспечивал лишь военный флот России, а на пути свободного найма матросов на торговые суда непреодолимым барьером оказывалось крепостное право. Торговый флот обеспечивался лишь прибалтами, финнами, поморами и черноморскими греками, но их, естественно, было явно недостаточно. Остальные перевозки могли осуществляться только за счет фрахта иностранных судов. Поэтому неслучайно, что генеральный консул, мало занятый в своей профессиональной сфере и тяго-

тевший к другой — политической, ей и посвящал свое время и усилия. Информацию Валленштейн черпал преимущественно из газет Рио-де-Жанейро, которые отличались разнообразием политических направлений и выходили как на португальском, так и на других европейских языках, прессы Буэнос-Айреса, а также других испаноязычных столиц. Не оставлял он без внимания и сообщения из разнообразных устных источников.

В апреле, мае, июне 1833 г. непрерывно вспыхивали мятежи и волнения в провинциях Минас-Жерайс, Пернамбуко, Баия и др. Там, как упоминалось, оставалось немало сторонников экс-императора. Ю.А.Валленштейн в мельчайших подробностях описывал все эти политические пертурбации, анализировал их происхождение и последствия, давал характеристики провинциальным политикам, освещал действия регентства по ликвидации очагов возмущения²⁵. Все эти сведения являются, конечно, превосходным источником о внутривнутриполитическом положении страны в то время.

7 апреля 1833 г., во вторую годовщину отречения от престола Императора Педро I, состоялся малый прием при дворе Педро II. Присутствовали небольшое число лиц, обычно бывавших на подобных приемах, а также представители дипломатического корпуса. Кроме того «Общество защитников свободы и национальной независимости» отметило этот день большим балом. «Я был приглашен на этот бал, — писал Валленштейн Нессельроде пять дней спустя. — Поскольку в это время отсутствовал барон Мальтиц, уехавший по состоянию здоровья на несколько дней загород, я спросил Дайзера (поверенного в делах Австрии. — С.Б.), как он собирается поступить в этом случае и последовал его примеру: не принял приглашения и не дал на него ответа. Это было первое приглашение, которое я получил в этой стране. После представления меня Императору я больше при дворе не появлялся... За исключением меня и моего коллеги, неаполитанского генерального консула г-на Меролла, все генеральные консулы — негоцианты, — продолжал он. — Церемониал, принятый в Рио-де-Жанейро после революции (имеется в виду 7 апреля 1831 г. — С.Б.) или незадолго до нее, исключает генеральных консулов из числа приглашаемых на малые приемы при дворе. Последние могут присутствовать лишь как члены свиты миссий. Между тем те, кому в отсутствие их посланника или поверенного в делах поручено вести дипломатическую переписку, получают приглашения именно из-за этого обстоятельства... Бразильское правительство считает, что оно в этом отношении берет пример с европейских государств. Я не в курсе этикета и церемониала русского Двора, но мне кажется странным, что требует полного паритета с Россией империя, пребывающая еще в пленках и колыбель которой похожа на колыбель Геркулеса лишь тем, что ее окружают змеи»²⁶.

Важной сферой ответственности Валленштейна было поддержание в функциональном состоянии российской консульской сети в Бразилии, которую, как отмечалось, начал создавать еще Лангсдорф, а продолжил Борель. Однако ослабление при регентстве центральной власти в стране, мятежи в провинциях, ожесточенные споры между представителями различных политических группировок, экономические и финансовые трудности не способствовали стабильности работы консульских служащих, привлеченных, как правило, из местных негоциантов на условиях внештатного сотрудничества в расчете на какие-то льготы торгового порядка. Последние должны были информировать Валленштейна о ситуациях на местных рынках, ценах на товары, заходах в порты страны российских торговых судов и т.п. В донесении Нессельроде от 18 мая 1833 г. генеральный консул, например, писал: «Я не получил никакой информации от консульского агента в Баие. За исключением г-на Барруша, консульского агента в Пер-

намбуко, агенты в других бразильских портах также пренебрегают обязанностями, которые на них возложены. Я собираюсь снова напомнить им о последних, но полагаю, что это не даст результата, так как они, вероятно, находят данные обязанности слишком обременительными по сравнению с теми правами, которыми они предполагали пользоваться. Возникает вопрос, заслуживают ли они того, чтобы их оставить в этой должности и поддерживать перед бразильским правительством их претензии на неприкосновенность. В некоторых портах имеется по два российских консульских агента»²⁷.

Это сообщение Валленштейна нуждается в пояснениях. Кроме того оно объясняет целую полосу его деятельности, растянувшуюся на несколько последующих месяцев. Еще в бытность Бореля главой миссии негодант из главного города провинции Пернамбуко Ресифи Агостиньо Гаудино де Барруш получил там внештатный пост вице-консула, а затем был переведен посланником в консульские агенты²⁸. Он успешно работал в Ресифи, когда уже при Валленштейне, очевидно, в июне 1833 г., был вместе со своим помощником вице-консулом Мадейрушем призван местными властями в Национальную гвардию, созданную по европейскому образцу в Бразилии после ряда антиправительственных выступлений в войсках, где служило много иностранцев, а также аналогичных волнений в полиции. И Барруш, и Мадейруш являлись бразильскими подданными и, чтобы освободить их от призыва на военную службу, Валленштейну пришлось вести длительную переписку с правительственными чиновниками вплоть до министра иностранных дел Бразилии, которым тогда являлся Бенту да Силва Лишбоа²⁹.

В конечном счете Валленштейн в конце июня 1833 г. получил аудиенцию у министра Силва Лишбоа, которая продолжалась более полутора часов и была, как писал генеральный консул Нессельроде, «целой конференцией в тропиках»³⁰. Вопрос о российских консульских служащих был благополучно урегулирован, тем более, что в России ни Национальной гвардии, ни такого рода призывов не существовало, но министр в беседе коснулся многих острых вопросов тогдашней бразильской действительности, выйдя далеко за пределы проблемы, с которой к нему обратился генеральный консул. А Валленштейн, в свою очередь, не преминул подробно изложить все это в донесении Нессельроде.

Очевидной причиной, возможно, излишней откровенности министра стало его в известной мере двойственное положение. С одной стороны, он входил в состав правительства, назначенного регентством, которое пришло к власти после отречения Педро I, с другой — его отец, 77-летний виконт де Кайру, являлся убежденным приверженцем экс-императора, сторонником его возвращения на трон и автором статей к этому призывавших. Борьба «бразильской» и «португальской» партий в стране, завершившаяся победой первой 7 апреля 1831 г., привела к размежеванию не только на политической арене, но и в семьях. Живым олицетворением этого являлся министр Силва Лишбоа, развивавший перед Валленштейном свои взгляды на тогдашнюю политическую ситуацию. «Я полагаю, что более всего министра тревожит пресса, — писал генеральный консул Нессельроде. — Среди газет Рио-де-Жанейро есть одна вроде «Petites Affiches», которую читают главным образом низшие классы. Почти каждое утро в ней публикуются помпезные похвалы экс-императору рядом с диатрибами, направленными против членов правительства и выдержанными в гротескно-ироническом стиле, соответствующим вкусам и пониманию черни. Лишбоа видит большую опасность во влиянии этой газеты. Она имеет 2000 подписчиков, тогда как ни одна из других газет не имеет более 600... Министр очень страдает от того, что, по слухам, его отец, виконт де Кайру является автором наиболее острых статей в «Petites Affiches»³¹. «Ограничительные

меры в отношении прессы совершенно необходимы. Она ведет войну с правительством на смерть, пусть только словами, но все кровавые столкновения начинаются с них», — говорил Лишбоа Валленштейну³².

Для министра, да и общественного мнения Бразилии вообще не было в то время злободневнее вопроса, чем возможность прибытия дон Педро в Рио-де-Жанейро и возвращения им своего престола. Из Европы доходили самые противоречивые, подчас откровенно нелепые слухи. Абсолютно игнорировались объективные условия отречения императора, как упоминалось, жесткая конфронтация и его, и окружавших трон португальцев с основной массой богатых и влиятельных в своих провинциях бразильских плантаторов, лишенных доступа к политической власти. Не принималась во внимание начавшаяся в Португалии гражданская война между сторонниками брата дон Педро Мигеля (регента при малолетней португальской королеве, дочери экс-императора Марии да Глории), узурпировавшего в 1828 г. ее престол, и приверженцами самой Марии и ее отца, тогда герцога Браганса, правительство которых обосновалось на азорском острове Терсейра и имело лишь одну цель — утвердить Марию II на исконном троне Брагансов. Впрочем, современников событий той поры трудно упрекать в доверчивости, сам дон Педро был человеком изменчивого настроения, лишенным определенных политических принципов, мыслявшим ситуативно в зависимости от менявшейся международной обстановки. Так, вопрос об экс-императоре, в противовес многим другим, непрерывно муссировался министром во время аудиенции. Он отвергал свою приверженность дону Педро и политические связи с отцом. «Министр старался скрыть охватившее его глубокое волнение, но, разгорячившись, добавил, что его отец настолько честный человек, что не мог и помыслить, чтобы дон Педро задумал совершить переворот в стране», — писал Валленштейн³³.

Генеральному консулу было, конечно, чрезвычайно интересно слушать монолог Силвы Лишбоа: «Министр считает, что основной причиной нынешней неопределенности в Бразилии и Португалии является нерешенность судьбы метрополии после провозглашения бразильской независимости. В то время дон Педро был расположен полностью отказаться от драгоценной короны своих предков. Прибыв в Америку в возрасте девяти лет, он не удержал в своих воспоминаниях ничего неизгладимого, что привязывало бы его к европейской родине. Однако португальское окружение его соблазняло, вводило в заблуждение, и император мало-помалу увязал в проектах, ставших позднее для него губительными. Не следует думать, что дон Педро рассчитывает и сможет остаться королем Португалии, даже если полностью удастся его предприятие, — продолжал Валленштейн излагать мысли Силвы Лишбоа. — Он захочет стать императором всего полуострова. Именно этим титулом заманили его к себе испанские и португальские клубы беженцев, которые позвали его в Европу, чтобы воспользоваться им как орудием. С такими же соблазнами обращались к нему тайные эмиссары, приезжавшие из Европы. Околдованный именно такой приманкой, дон Педро так легко отрекся от бразильской короны. Однако легкоеверие и слабость, о которых свидетельствует такое поведение, могут заставить его снова пожалеть о Бразилии и увлечь в самые безрассудные авантюры³⁴. По правде говоря, в Бразилии дон Педро I имел доход, намного превышавший сумму, положенную ему по гражданскому листу, за который проголосовали палаты (Генеральной ассамблеи. — С.Б.): несмотря на конституционные ограничения, он был абсолютным монархом. Например, признав регентство Терсейры (т.е. правительство королевы Марии II да Глории на острове Терсейра), Педро I обещал ему некоторую помощь, которая не должна была лечь бременем на Бразилию, а в тайне дал совсем другой приказ мини-

стру финансов. При провозглашении декларации независимости, несмотря на все предлоги и ссылки, которые он позднее старался найти, он на самом деле не повиновался своему отцу, который, как стало известно Лишбоа из подлинных документов, никогда не разрешал ему встать во главе бразильской нации. В то же время дон Педро I то присоединялся к борьбе португальских войск, то к сторонникам независимости»³⁵.

Касаясь политической беспринципности экс-императора, Валленштейн со ссылкой на Лишбоа отметил, что последний «вызывает некоторые симпатии у самых ярких сторонников парламентского правительства; и в этом они не ошибаются, так как он введет сколько угодно конституций, ничто не кажется ему более невинным и более легким»³⁶.

В целом Силва Лишбоа был склонен поддерживать курс тогдашнего правительства: «В отношении иностранных держав, — писал Валленштейн, — министр убежден, что ни одна из них не желает свержения нынешнего режима в Бразилии, так они знают, что при нем она мирно идет по пути совершенствования, не останавливается перед жертвами, чтобы исправить ошибки прошлого и оплатить прежние долги, что теперь нет оснований опасаться какой-либо войны вроде войны с Буэнос-Айресом (в 1825—1828 гг. — С.Б.) с ее безумием и бедствиями»³⁷.

Между тем, уже 6 июля 1833 г., т.е. спустя две недели после упомянутой аудиенции, Бенто да Силва Лишбоа, как бы стремясь дезавуировать свою чрезмерную откровенность в беседе с российским генеральным консулом, сухо известил его, что бразильское внешнеполитическое ведомство ведет прямую переписку исключительно с иностранными миссиями, а консульские служащие могут обращаться по его адресу только при их посредничестве. Поэтому в будущем Валленштейн должен сноситься по всем вопросам только со своим поверенным в делах, и лишь в его отсутствие может иметь место прямая переписка с министром»³⁸.

Одним из острейших вопросов и внутренней, и внешней политики Бразилии конца первой трети XIX в. была торговля африканскими невольниками. 17 июня 1831 г. постоянное регентство издало закон, запрещающий ввоз в страну рабов. Согласно этому установлению, они должны были становиться свободными как только ступят на бразильскую землю. Разумеется, торговля продолжалась, и наблюдался даже ее бум, так как плантаторы стремились заполучить своеобразный «запас» невольников. Их нехватка влекла за собой остановку всего производства в фазендах, поскольку рынок вольнонаемного труда в стране фактически отсутствовал. Даже из разоренной наполеоновскими войнами Европы иностранцы переезжали в рабовладельческую страну неохотно. Это были небольшие партии немцев, швейцарцев и представителей других европейских наций. Кстати, у истоков этой фундаментальной для Бразилии деятельности стоял Г.И.Лангсдорф, который в 1822 г. перевез (причем за личный счет) на земли своей фазенды Мандиока около двух десятков семей немецких колонистов.

В виду дефицита рабочих рук плантаторы принимали и другие меры. О них писал в своих экспедиционных дневниках Лангсдорф еще в 1824—1827 гг. Запрет работоторговли, высокая стоимость невольников, неуклонное сокращение их численности заставили бразильских фазендейро серьезно подумать о воспроизводстве рабочей силы в своих поместьях. Целый ряд фазенд в провинциях Минас-Жерайс, Сан-Пауло и других Лангсдорф называл не иначе, как «фабриками рабов». Он подробно описал всю систему административных, медицинских и воспитательных мер, принимавшихся фазендейро с целью повысить рождаемость и снизить смертность невольников. Предшественник Валленштейна рассказал об особом

режиме для молодых рабынь, освобождавшихся от полевых работ и занимавшихся главным образом прядением, поощрении браков между невольниками, создании в фазендах больниц и специальных помещений для малолетних рабов и т.д.³⁹. Путешественник отметил также попытки некоторых фазендейро дать начальное образование детям рабов, так как грамотный и обученный какому-нибудь ремеслу невольник ценился несравненно дороже раба, способного лишь к грубому физическому труду.

14 июня 1833 г., т.е. спустя два года после формального запрещения работорговли, преемник Лангсдорфа изложил в донесении министру Нессельроде свои наблюдения и выводы, касающиеся этого нетерпимого явления: «Несмотря на законы, принятые в Бразилии, и наблюдение английских крейсеров, всем известно о продолжающейся отвратительной торговле чернокожими африканцами. Подтверждением являются нынешние цены на рабов, которые не слишком отличаются от цен в те годы, когда торговля еще не была отменена... Большинство бразильских судов, направляющихся в Анголу и другие места на африканском побережье, доставляют оттуда большее или меньшее число невольников. Их ввозят в Бразилию непрямыми путями. На столь протяженном бразильском побережье найдутся места для тайной выгрузки рабов. Один из таких пунктов, кажется, находится близ границ провинции Рио-Гранде-де-Сул. В этой незаконной торговле часто используется флаг Буэнос-Айреса и Монтевидео. Приходится лишь удивляться, что Англия добилась от правительства Буэнос-Айреса лишь общей декларации о гнусном и преступном характере работорговли вместо четких обязательных условий, какие были приняты в соглашениях с Северной Америкой и большинством морских держав Европы. Достойно сожаления, что Смешенная комиссия, обязанная наблюдать за выполнением условий, касающихся отмены работорговли, находится в Сьерра-Леоне. В силу многих обстоятельств, которые неизбежно повторяются, нельзя привести судно работорговца в Рио-де-Жанейро или другой порт Бразилии, чтобы там судить его. Последнего следует обязательно вести в Сьерра-Леоне, но расходы на пополнение запасов и трудности далекого плавания таковы, что чаще всего отпускают даже самый подозрительный корабль. Флаг Аргентины, если только не будут обнаружены на борту двойные документы, также является защитой для нарушителей. Наконец, английская военно-морская станция, располагавшая ранее 12-ю кораблями, ныне имеет 7, причем в Рио-де-Жанейро в данный момент находится лишь 4. Англо-бразильская комиссия, призванная в Бразилии рассматривать нарушения договоров об отмене работорговли, почти постоянно бездействует, хотя все в мире знают о частых и крупных партиях рабов, ввозимых из Африки»⁴⁰.

К октябрю 1833 г. все адепты «революции» 7 апреля окончательно перестали страшиться возвращения в Рио-де-Жанейро экс-императора. Лиссабон и Порто находились под контролем войск, сражавшихся на стороне правительства Марии да Глории и ее отца герцога Браганса. 31 октября 1833 г. Валленштейн не без иронии писал Нессельроде, имея в виду традиционную веру португальцев в «возвращение» короля Себаштьяна, погибшего в сражении с арабами в 1578 г., что «сторонники Педро ни на йоту не уступают себаштьянистам в своей вере в призраки»⁴¹.

Между тем 1833 г. заканчивался для Валленштейна на грустной ноте. В донесении министру иностранных дел от 20 сентября он, упомянув о ситуации в Аргентине и встреченной им в Рио-де-Жанейро колонии испанцев с Канарских островов, отправлявшихся на жительство в Уругвай, заметил, что пишет о двух столь отдаленных «театрах» не только потому, что в том, где он является непосредственным зрителем, за ним оставлено «лишь под-

чиненное место», но и оттого, «что в мое одиночество проникает мало новостей»⁴². «Консулов здесь принимают лишь из духа терпимости в хорошем обществе, где политическому наблюдателю прилично бывать. Их едва допускают в круги, близкие к дипломатам, — продолжал Валленштейн. — Я озабочен лишь по одной причине: никогда не отличаясь легкомыслием и склонностью к иллюзиям, надеюсь, что и теперь, уже прежде времени поседевший (причем не из-за мелких страстей, а заботясь о чести), не дам этой слабости мною овладеть. Хотя должен сознаться, что остаюсь очень чувствительным к знакам пренебрежения, столь свободно проявляемым в отношении моей должности»⁴³. А на исходе первого года своей службы в Бразилии, 16 декабря, Юлий Александрович не без горечи признавался, что его позиция простого наблюдателя не предусматривает ничего «кроме чтения газет и переписывания выдержек из них»⁴⁴.

Разносторонний эрудит, глубокий историк, талантливый литератор и блестящий аналитик международных отношений, с одной стороны, и консульский чиновник, лишенный реальной деятельности в торгово-экономической сфере — с другой... Как можно было совместить все это, находясь, по выражению Валленштейна, в объятиях «всепожирающего климата Бразилии»? Ответ на этот вопрос могли дать только последующие девять лет службы генерального консула в знойном Рио-де-Жанейро.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Б.Н.Комиссаров. Григорий Иванович Лангсдорф. 1774—1852. Л., 1975; е г о ж е. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., 1977; е г о ж е. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л., 1977; е г о ж е. «Нет торгу, который был бы сходнее и выгоднее бразильского...». К 200-летию основания российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро (1811—2011 гг.). — Латинская Америка, 2011, № 12, с. 60—80.

² Подробнее см.: Б.Н.Комиссаров. Русские источники по истории Бразилии... с. 49—52; е г о ж е. Петербург — Рио-де-Жанейро. Становление отношений. 1808—1828. Л., 1987, с. 49—51.

³ Б.Н.Комиссаров. Русские источники по истории Бразилии, с. 49—50.

⁴ Там же, с. 52.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел (далее — ДЛС и ХД), оп. 464, д. 1673, л. 17—22.

⁶ Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божков. Первый российский посланник в Бразилии Ф.Ф.Борель. СПб, 2000, с. 205—206.

⁷ Б.Н.Комиссаров. К вопросу о реконструкции российско-бразильских отношений в 1828—1889 гг. — Латинская Америка, 2003, № 3, с. 57.

⁸ Там же, с. 58.

⁹ Н.Н.Болховитинов. Русские дипломаты (П.П.Свинын, П.И.Полетика, Ю.А.Валленштейн) как исследователи Америки в первой половине XIX в. Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г.И.Лангсдорфа. (Проблемы исследования Америки в XIX—XX вв.). Ленинград, 22—24 октября 1974 г. Тезисы докладов. Л., 1974, с. 42—44; е г о ж е. Русско-американские отношения. 1815—1832. М., 1975, с. 225, 226, 236, 237, 522, 523, 530, 536—540.

¹⁰ W. d a C u n h a. O diplomata Wallenstein. — Revista do Instituto Histórico e Geografico Brasileiro, 1980, N 328, p. 93—104.

¹¹ А.Л.Сергеев. Бразильское наследие Ю.А.Валленштейна. Камознсовские чтения. Материалы первой научной конференции португалистов России. М., 1994, с. 51—52.

¹² W. d a C u n h a. Op. cit., p. 93.

¹³ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464, д. 550, л. 7—8.

¹⁴ W. d a C u n h a. Op. cit., p. 94.

¹⁵ Tableau des observations meteorologiques, faites a Washington... Par J. de Wallenstein. — American Philosophical Society Archives M.S. Communications to ASP, Vol. 2, p. 599—645;

Memoire pour accompagner le Tableau... — Transactions of the American Philosophical Society. New Ser. Vol. II. Philadelphia, 1825, p. 421—437.

¹⁶ J. W a l l e n s t e i n. Sketches of a Diplomatic History of the American Revolution. Harvard, Wallenstein Manuscripts. p. 1—103; i d e m. Remarks on the Causes and Principles of the Alliance between France and the United States 1778. Ibid., p. 116—150.

¹⁷ J. W a l l e n s t e i n. Annals of the Insurrection of the Spanish Colonies and the Contemporary History of the Mother-country. Translated 1826. — Ibid., p. 153—192; Подробнее см.: Н.Н.Б о л х о в и т и н о в. Русские дипломаты., с. 43—44.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1833, № 185, л. 60.

¹⁹ Там же, 1834, № 184, л. 40—41.

²⁰ Там же, 1833, № 185, л. 61—63.

²¹ Там же, л. 63—63 об.

²² Там же, л. 63 об.

²³ Там же, л. 59—59 об.

²⁴ Там же, л. 60.

²⁵ Там же, № 186, л. 194—197 об., 293—302 об., 314—315 об., 386—388, 494—509.

²⁶ Там же, л. 201 об.—202 об.

²⁷ Там же, л. 388.

²⁸ Б.Н.К о м и с с а р о в, С.Г.Б о ж к о в а. Первый российский посланник в Бразилии., с. 161.

²⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833, № 186. л. 544—556, 580—582 об., 584—587.

³⁰ Там же, л. 571.

³¹ Там же, л. 565 об. 567.

³² Там же, л. 564 об. 565.

³³ Там же, л. 559 об. 560.

³⁴ В донесении от 10 июня 1833 г. Валленштейн, обращаясь к изменчивости настроений дон-Педро, писал Нессельроде: «Что касается личных намерений этого принца, если судить о них по прошлому, то его внезапное возвращение в Бразилию удивит не больше, чем его отречение. Едва только он отрекся [от престола] по своей свободной воле, как тут же об этом пожалел. Французский поверенный в делах (Эдуард Понтуа. — С.Б.) с трудом удержал его от заявления об отказе от отречения. Это произошло на борту корабля «Варспайт». Однако на следующий день этот принц, игрушка своего изменчивого воображения, воскликнул, что хотел бы накрыть себя вуалью, чтобы не видеть ничего в этой стране». Там же, л. 503—503 об.

³⁵ Там же, л. 561—562 об.

³⁶ Там же, л. 570—570 об.

³⁷ Там же, л. 570.

³⁸ Там же, л. 582—582 об.

³⁹ См.: Б.Н.К о м и с с а р о в. Бразильская фазенда первой трети XIX в. в дневниках Г.И.Лангсдорфа и на картах Н.Г.Рубцова. — Вестник Ленинградского университета, 1969, № 8, вып. 2, с. 65; Os Diários de Langsdorff, Vol. II. São Paulo, 26 de agosto de 1825 a 22 de novembro de 1826. Campinas. Rio de Janeiro, 1997, p. 265—267, 295—296.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833, № 186, л. 532—534.

⁴¹ Там же, 1834, № 185, л. 2 об.

⁴² Там же, 1833, № 186, л. 398.

⁴³ Там же, л. 398—398 об.

⁴⁴ Там же, 1834, № 185, л. 129.